

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 95–104.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 95–104.

ПРАВО

Научная статья

УДК 347.991(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/95-104>

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РАЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ ПЛЕНУМА И СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ)

Артур Меликович Галстян¹, Андрей Юрьевич Мордовцев²,
Евгений Александрович Апольский³

^{1, 3}Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия

¹galstian.a2011@yandex.ru

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия, aum.07@mail.ru

³apolski@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются и исследуются факторы и тренды, обеспечивающие формирование единой правоприменительной (судебной) практики в правовой системе Российской Федерации, проводится изучение специфики юрисдикции Верховного Суда РФ, освещается проблематика иерархии интерпретационных актов в системе структуры органов Верховного Суда РФ, приводятся примеры, подтверждающие актуальность рассматриваемой проблематики. Авторы приходят к выводу о необходимости реформирования законодательства о судебной системе Российской Федерации в контексте оптимизации судебной правоинтерпретационной политики, что позволит добиться обоснованного использования теоретико-методологических основ современной отечественной системы права в правоприменительной практике.

Ключевые слова: судебная практика, Верховный Суд РФ, Пленум Верховного Суда РФ, Судебные коллегии Верховного Суда РФ, правоприменительная практи-

ка, толкование нормы, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правовая доктрина, судебный прецедент.

Для цитирования: Галстян А. М., Мордовцев А. Ю., Апольский Е. А. Особенности и перспективы формирования единой правоприменительной практики в Российской Федерации (на примере разъяснительных актов Пленума и Судебных коллегий Верховного Суда РФ) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/95-104>.

LAW

Original article

FEATURES AND PROSPECTS FOR THE FORMATION OF A UNIFIED LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE EXAMPLE OF EXPLANATORY ACTS OF THE PLENUM AND JUDICIAL BOARDS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

**Artur Melikovich Galstyan¹, Andrey Yurievich Mordovtsev²,
Evgeny Alexandrovich Apolsky³**

^{1,3}Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

¹galstian.a2011@yandex.ru

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the
Ministry of Justice of Russia), Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Rostov-on-Don, Russia, aum.07@mail.ru

³apolski@mail.ru

Abstract. The article examines the role of judicial practice in the legal system of the Russian Federation, conducts a legal analysis of the powers of the bodies of the Supreme Court of the Russian Federation, highlights the lack of a hierarchy of interpretive acts in the structure of the bodies of the Supreme Court of the Russian Federation, provides examples that confirm the relevance of the issues under consideration. The authors come to the conclusion that it is necessary to reform the legislation on the judicial system of the Russian Federation in terms of fixing the impossibility of interpreting legislative acts by the courts in a sense that contradicts the explanations on judicial practice given in the acts

of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Such changes will make it possible to achieve a more reasonable use of the theoretical and methodological foundations of the current domestic system of law in law enforcement practice.

Keywords: jurisprudence, Supreme Court of the Russian Federation, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, Judicial Collegiums of the Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement practice, interpretation of the norm, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, legal doctrine, judicial precedent.

For citation: Galstyan A. M., Mordovtsev A. Y., Apolsky E. A. Features and prospects for the formation of a unified law enforcement practice in the Russian Federation (by the example of explanatory acts of the Plenum and Judicial boards of the Supreme Court of the Russian Federation) // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 95–104. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/95-104>.

В современной теории государства и права имеет место в той или иной мере обоснованная позиция, согласно которой отечественное право следует относить к романо-германской правовой семье [1]. Основным доводом в пользу такого мнения является то, что в российском государстве, собственно, единственным источником права признаётся нормативно-правовой акт. Конечно, сложно не согласиться с приведенным доводом, поскольку основными регуляторами правовых отношений для российского права являются Конституция, федеральные законы, нормативно-правовые акты органов исполнительной власти, законы и подзаконные НПА.

В то же время, даже учитывая вышеприведенный аргумент, нельзя однозначно утверждать, что в России полностью отсутствуют элементы системы прецедентного права, главным из которых является наличие и применение судебного прецедента.

Судебный прецедент, как известно, представляет собой решение суда по конкретному делу, которое имеет силу источника права. Такую преимущественную форму права, разумеется, можно встретить в государствах англо-саксонской правовой семьи. В качестве примеров можно назвать США, Великобританию, Канаду. Издавая судебные акты, такие органы, как Верховный Суд США, способны принимать, изменять или же вовсе отменять норму права.

С одной стороны, Российская Федерация, как и любое государство романо-германской правовой семьи, не относит решения судов к источникам права. Ни в Конституции РФ, ни в каких-либо других нормативных правовых актах официально судебным органам не делегируются полномочия правотворческой деятельности, что не позволяет позиционировать судебные решения в качестве источников права. Однако, с другой стороны, как, например, утверждает М. Н. Марченко, для государств романо-германской правовой семьи судебный прецедент может быть факти-

ческим источником права [2, с. 11]. В связи с этим представляется целесообразным более подробно рассмотреть влияние судебной практики на российское право.

Судебная практика в Российской Федерации играет далеко не последнюю роль, можно даже сказать, что эта роль часто бывает определяющей в формировании правоприменительной деятельности. Статья 126 Конституции РФ и статья 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации») представляют Верховный Суд Российской Федерации как высший судебный орган, обладающий функциями судебного надзора за судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также наделяют его полномочием дачи разъяснений по вопросам судебной практики [3; 4]. Иными словами, законодатель наделяет Верховный Суд правомочием толкования норм права (т. е. правом «продуцировать» прецеденты их толкования) в случаях возникновения правовой неопределённости в практике нижестоящих судов.

Конечно, трудно спорить с тем, что толкование правовых норм всегда являлось трудной задачей и острой проблемой системы российского законодательства. В теоретическом измерении вопроса принимаемые законы и иные НПА должны быть однозначными и для понимания, и для применения. На практике же всё происходит иначе, что, в целом, обусловлено самой спецификой юридической герменевтики, особенностями и результатами этого процесса, замеченными в историческом прошлом не только отечественной, но и европейских правовых систем.

Отметим, что немало внимания уделяли проблеме толкования правовых норм, НПА представители российской правовой науки конца XIX – начала XX вв. Так, П. А. Сорокин писал: «Когда закон точен, ясен и вполне определен, тогда невозможны его различные толкования; тогда каждый может легко определить, чего хочет закон. Но издание такого закона, свободного от всякой неопределенности и неясности, дело очень трудное. Самые совершенные законы нередко вызывают различное толкование. В таком случае встает необходимость толкования закона, т. е. объяснения его точного смысла и содержания. Цель толкования – вскрыть точное содержание закона согласно его смыслу и букве» [5, с. 718].

Собственно, в таком же теоретическом ракурсе видел проблему толкования права и закона И. В. Михайловский, отмечая, что «долгое время существовало мнение, что толкование законов есть дело не только ненужное, но и вредное, так как толкователь легко может извратить истинный смысл закона под влиянием своего субъективного правосознания... И даже в 19 столетии были примеры запрещения толкования законов не только судьям, но даже профессорам права: когда в Баварии был издан уголовный кодекс 1813 г., король запретил писать какие бы то ни были комментарии к нему... С половины 19 столетия это воззрение заменилось ныне существующим, по которому суд не только имеет право, но и обязан толковать законы» [6, с. 701].

Видимо, не случайно то, что ввиду ограниченности языка и желания сделать так, чтобы закон охватывал не только как можно больше сфер правоотношений, но и работал на перспективу (что, в принципе, можно только приветствовать, поскольку нормативный правовой акт, опережающий, а не догоняющий сложившиеся правоотношения, изначально является результатом более качественной работы законодателя), законотворцы невольно придают большинству правовых норм возможность их истолкования в нескольких смыслах.

В связи с этим уже судам приходится сталкиваться с проблемой применения закона при вынесении решений по делу, не говоря уже о простых гражданах. В таком контексте Верховному Суду РФ отводится особо важная роль при формировании понимания смысла правового предписания.

Сам же Верховный Суд РФ представляет собой структурированный судебный орган, который в свою очередь состоит из Пленума, Президиума и Судебных коллегий. При этом полномочие дачи разъяснений имеется у каждого из его подразделений. В нашем случае мы обращаем внимание на Пленум Верховного Суда РФ (далее – Пленум ВС РФ) и его Судебные коллегии.

Исходя из положений ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», можно определить Пленум как совещательный орган, в который входят все судьи Верховного Суда РФ, в том числе и судебных коллегий. Будучи наделённым правомочием дачи правовых разъяснений, Пленум ВС РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и даёт судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации.

Судебные коллегии, в свою очередь, по сравнению с Пленумом имеют ограниченный состав, в который входят заместители Председателя ВС РФ, председатели и судьи этих коллегий. Полномочие толкования права коллегий заключается в обобщении судебной практики.

Интересно также проследить роль Президиума ВС РФ в части разъяснения положений законодательных норм. В частности, Президиум ВС РФ утверждает обзоры судебной практики, в которых могут содержаться вопросы применения норм материального и процессуального права. Любопытным является то, что в данных обзорах приводятся конкретные примеры судебных дел, которые не всегда оканчиваются обращением в судебные коллегии ВС РФ. Иными словами, Президиум ВС РФ основывает свои выводы на решениях и доводах судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Де-факто это означает, что нижестоящие суды, обращаясь к обзорам судебной практики, должны следовать практике таких же нижестоящих судов, как и они, что само по себе является фактическим доказательством существования в России элементов прецедентного права.

Таким образом, через призму структуры и компетентности мы можем видеть, что Пленум ВС РФ по иерархии предположительно должен стоять выше всех подразделе-

ний, в том числе и судебных коллегий. Это подтверждается тем, что судебные коллегии, обобщая судебную практику, по своей сути создают тот самый материал, который позже Пленум рассматривает и на основе него формирует единую судебную практику по законодательству РФ, которую суды будут применять. Однако в законодательстве не содержится указания относительно какой-либо иерархии между подразделениями, не закрепляются также нормы по поводу подконтрольности рассматриваемых судебных инстанций. На первый взгляд, отсутствие данной иерархии не кажется существенной недоработкой законодательства, однако это становится проблемой в той ситуации, когда в правовых разъяснениях возникают смысловые противоречия.

В качестве примера таких противоречий можно привести определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 84-КГ20-1 от 10 марта 2020 г. Суть дела заключалась в следующем: Граждане Г. и Ш. договорились о купле-продаже дома, однако Ш. скончался до заключения сделки. Спустя какое-то время Г. заявила, что добросовестно, открыто и непрерывно владеет домовладением покойного как своим собственным и на основании этого посчитала, что может получить право собственности по приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ). Муниципальные органы её права не признавали, так как считали, что имущество покойного перешло в собственность к ним, ввиду отсутствия у прежнего собственника наследников, в результате чего возник спор. Нижестоящие суды в признании права собственности Г. отказывали, ссылаясь на недоказанность критериев добросовестности, открытости и непрерывности. Верховный Суд РФ, рассматривая дело в кассационном порядке, поддержал сторону гражданки Г., дав при этом неоднозначное толкование критерия добросовестности [7].

По мнению Коллегии Верховного Суда РФ по гражданским делам, давностное владение является добросовестным, если, приобретая вещь, лицо не знало и не должно было знать о неправомерности завладения ею, то есть в тех случаях, когда вещь приобретается внешне правомерными действиями, однако право собственности в силу тех или иных обстоятельств возникнуть не может [7].

Такое толкование нормы статьи 234 ГК РФ идёт вразрез с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление Пленума 10/22) по следующим основаниям.

Во-первых, по пункту 15 постановления Пленума 10/22 добросовестностью является «объективное незнание» давностного владельца об отсутствии основания приобретения права собственности [8], тогда как Коллегия добросовестностью называет незнание неправомерности своих действий, при условии, что «внешне» они правомерны. Иными словами, в первом случае добросовестность завязана на объективной неосведомлённости отсутствия оснований приобретения права собственности, а во втором случае – на незнании неправомерности действий по завла-

дению собственностью. При втором подходе допускается, что владелец может знать, что у него отсутствуют основания на приобретение права собственности.

Во-вторых, подходы понимания давностного владения у Пленума и Коллегии ВС РФ не могут соотноситься как случаи общего и частного либо как равнозначные. Это подтверждается тем, что Г. сама указала на то, что получила во владение имущество до заключения сделки. То есть она знала, что у неё отсутствуют основания на приобретение права собственности, что исключает применение подхода Пленума ВС РФ к пониманию добросовестности.

Таким образом, Верховный Суд РФ принял решение, противоречащее разъяснениям своего Пленума, тем самым породив двойственное толкование нормы статьи 234 ГК РФ. Этому же мнению придерживается и Р. С. Бевзенко, говоря о том, что Коллегия ВС РФ по гражданским делам также, как и остальные суды, должна была придерживаться правовой позиции своего Пленума [9].

На рассмотренном выше примере видно, что отсутствие иерархии интерпретационных актов Верховного Суда может нарушить единообразное понимание законодательства РФ, что даёт основание считать назревшим законодательное закрепление верховенства разъяснений Пленума ВС РФ над актами толкования норм закона других судов. В то же время, по нашему мнению, давать исключительный приоритет разъяснениям Пленума ВС РФ все же нецелесообразно.

В судебной практике имеется и иной случай, когда отступление от правовой позиции Пленума ВС РФ не представляется как грубая ошибка. Так, рассматривая уголовное дело в отношении гражданина, нашедшего чужую платёжную карту и впоследствии потратившего денежную сумму, которая находилась на данной карте, суд первой и апелляционной инстанций квалифицировали данное преступление по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ. Кассационный суд, в свою очередь, переквалифицировал деяние на статью 159³ УК РФ, сославшись на положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее постановление Пленума ВС РФ № 48) [10]. Однако Коллегия ВС РФ по уголовным делам окончательно вернула прежнюю квалификацию, данную ранее судами первой и апелляционной инстанций, указав, что разъяснения постановления Пленума ВС РФ № 48 в части, касающейся квалификаций преступлений по статье 159³, устарели, так как уголовное законодательство с тех пор претерпело значительные изменения [11]. В данной ситуации Коллегия ВС РФ отступила от позиции Пленума вполне обосновано.

В связи с этим мы имеем два прецедентных случая. В первом правовая норма не изменялась (статическая норма) и разъяснения Пленума были приведены в соответствии с действующей редакцией закона. Во втором – норма подвергалась со стороны законодателя существенному редактированию (динамическая норма) и разъяснения Пленума на момент рассмотрения дела судами не были актуальными.

На основании вышеприведённых доводов предлагаем дополнить статью 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» частью 3.1 и изложить её в следующей формулировке: «Пленум Верховного Суда является высшим органом в структуре Верховного Суда Российской Федерации. Не допускается истолкование судами законодательных актов в смысле, противоречащим разъяснениям по вопросам судебной практики, данным в актах Пленума Верховного Суда Российской Федерации, за исключением случаев, когда разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не приведены в соответствии с действующей редакцией закона».

Данные нормативные изменения, на наш взгляд, будут способствовать совершенствованию единой правоприменительной практики в Российской Федерации, а также более обоснованному использованию теоретико-методологических основ действующей отечественной системы права российскими судьями.

Список источников

1. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. 496 с.
2. Марченко М. Н. Вторичные источники романо-германского права: прецедент, доктрина // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2000. № 4. С. 52–63.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. 10 февраля, № 6. Ст. 550.
5. Сорокин П. А. Толкование закона // Хропанюк В. Н. Теория государства и права: хрестоматия. М., 1998. Раздел 1. С. 5–119.
6. Михайловский И. В. Толкование юридических норм // В. Н. Теория государства и права: хрестоматия. М., 1998. Раздел 1. С. 5–119.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2020 № 84-КГ20-1 // СПС «КонсультантПлюс».
8. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. Июль, № 7.
9. Бевзенко Р. С. Почему судьи Гражданской коллегии Верховного Суда не знают законов своей страны? // Дело о приобретательной давности. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kollegii_verhovnogo_sud_a_ne_znayut_zakonov_svoej_strany__delo_o_priobretat.

10. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 2017. 11 декабря, № 280.

11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Sinyukov V. N. Rossiiskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshchuyu teoriyu [The Russian legal system: an introduction to general theory]. Saratov: Poligrafist Publ., 1994. 496 p. (In Russ.).

2. Marchenko M. N. Vtorichnye istochniki romano-germanskogo prava: pretsedent, doktrina [Secondary sources of Romano-Germanic law: precedent, doctrine]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, 2000, no. 4, pp. 52–63. (In Russ.).

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). *Legal reference system «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

4. On the Supreme Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 3-FKZ dated 05.02.2014. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, February 10, no. 6, art. 550. (In Russ.).

5. Sorokin P. A. Tolkovanie zakona [Interpretation of the law]. In: Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava: khrestomatiya* [Theory of State and law: textbook]. Moscow, 1998. Section 1. pp. 5–119. (In Russ.).

6. Mikhailovsky I. V. Tolkovanie yuridicheskikh norm [Interpretation of legal norms]. In: Khropanyuk V. N. *Teoriya gosudarstva i prava: khrestomatiya* [Theory of State and law: textbook]. Moscow, 1998. Section 1. pp. 5–119. (In Russ.).

7. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 84-KG20-1 dated 10.03.2020. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

8. On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other proprietary rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 of 29.04.2010 (ed. of 23.06.2015). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2010, July, No. 7. (In Russ.).

9. Bevzenko R. S. Pochemu sud'i Grazhdanskoi kollegii Verkhovnogo Suda ne znayut zakonov svoei strany? [Why do the judges of the Civil Collegium of the Supreme Court not know the laws of their country?]. In: *Delo o priobretatel'noi davnosti* [The case of the statute of limitations]. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoy_kollegii_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakonov_svoej_strany__delo_o_priobretat. (In Russ.).

10. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. of 29.06.2021). *Rossiyskaya Gazeta*, 2017, December 11, no. 280. (In Russ.).

11. Determination of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/29/2020 No. 12-UDP20-5-K6. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Галстян – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

А. Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Е. А. Апольский – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

Information about the authors

A. M. Galstyan – Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia.

A. Y. Mordovtsev – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Department Theory and History of Law and State of the Rostov branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.

E. A. Apolski – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 20.04.2023.